

Кармов Тимур Михайлович

НА СЛУЖБЕ "БЕЛОМУ ЦАРЮ": УЧАСТИЕ КАБАРДИНЦЕВ В ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается проблема участия кабардинских черкесов в боевых действиях начального этапа цикла конфликтов, известного как Ливонская война (1558-1583 гг.). На основании изучения историографии вопроса и анализа данных основных источников, привлекаемых для его решения (Никоновской и Псковских летописей), автор приходит к выводу о том, что участие восточночеркесских отрядов в боевых действиях на территории Ливонии ранее приезда в Москву сыновей Темрюка (зима 1559 г.) маловероятно.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. С. 93-96. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

RUSSIA AND DAGESTAN INTERACTION IN ARTISTIC CULTURE SPHERE IN THE 80S OF THE XXTH CENTURY

Gani Shikhvalievich Kaimarazov, Doctor in History, Professor
Department of Modern and Contemporary Dagestan History
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences
kaymarazov2012@mail.ru

Basing on studied and generalized documentary data and taking into account historiographical experience the author covers the state and changes in the artistic culture of the Dagestan peoples, the Russian-Dagestan interaction in this sphere in the 1980s, the special features of these cultural processes in the multinational region, and shows the role of the Russian culture figures in the development of the Dagestan literature and art, the contribution of the Dagestan literary men and art workers to the all-Russian and world cultural process.

Key words and phrases: Russia; Dagestan; multinational region; culture; literature; art; painting; theater; music; cinema; creative alliance; decorative and applied arts; artistic creativity.

УДК 94(47).043

Исторические науки и археология

В статье рассматривается проблема участия кабардинских черкесов в боевых действиях начального этапа цикла конфликтов, известного как Ливонская война (1558-1583 гг.). На основании изучения историографии вопроса и анализа данных основных источников, привлекаемых для его решения (Никоновской и Псковских летописей), автор приходит к выводу о том, что участие восточночеркесских отрядов в боевых действиях на территории Ливонии ранее приезда в Москву сыновей Темрюка (зима 1559 г.) маловероятно.

Ключевые слова и фразы: история России; история Кабарды; Ливонская война; история военного дела.

Тимур Михайлович Кармов, к.и.н.

Государственное предприятие Кабардино-Балкарской Республики «Наследие»
garaх21@yandex.ru.

НА СЛУЖБЕ «БЕЛОМУ ЦАРЮ»: УЧАСТИЕ КАБАРДИНЦЕВ В ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЕ[©]

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по соглашению, заключенному с Министерством образования и науки РФ по заявке № 2012-1.4-12-000-3001-005 «Актуальные вопросы истории Российской государственности: IX-XX вв.», мероприятия 1.4 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Вторая половина XVI в. ознаменовалась для Русского государства тяжелейшей войной на северном направлении. В истории эта война получила название Ливонской по названию ордена, хотя на ее втором этапе в конфликте принимали участие все страны этой части Европы. Москва попыталась решить проблему выхода в Балтийское море и захватить плацдарм в Прибалтике. Первоначально русским противостоял лишь ослабленный Ливонский орден, последнее государство крестоносцев на восточном побережье Балтики. Ливонская война была первым европейским военным конфликтом, в котором русские широко применили восточные иррегулярные соединения.

Присутствие черкесов в русских войсках в литературе освещено слабо. В отечественной историографии состава войск Московского государства второй половины XVI в. восточным соединениям практически не уделяется внимания. Неизвестна точная численность черкесов на тот момент. Неясно, было ли это присутствие новообращенных союзников номинальным или участие в походах было продиктовано военной необходимостью. Не установлено, какие именно черкесы участвовали в военных действиях.

В январе 1558 г. Москва начала военные действия. Вторжение было спланировано по всем правилам военного искусства той эпохи. По замыслу русского командования, конный корпус Шиг-Алея должен был опустошить земли ордена и создать оптимальные условия для планомерной оккупации. В задачу Шиг-Алея не входила осада и захват городов, замков и других укрепленных пунктов, если только они не сдавались сами. Состав войск бывшего казанского владетеля был укомплектован мобильными специальными частями для внезапного и неожиданного набега. Природных русских в составе этого корпуса было лишь несколько небольших отрядов. Основную массу составляли татары и черкесы [14, с. 287].

Татары были великолепной легкой конницей лучников, дефицит которой всегда наблюдался в средневековой Европе. Однако черкесы, по свидетельствам современников, отличались от татар как в вооружении, так

и в специфике ведения боя. Военные специалисты того времени высоко оценивали боевые качества конницы черкесов. Однако эти качества не следует целиком объяснять только лишь природной воинственностью адыгов. Видимо, ответ нужно искать в особенностях их социальной организации и, как следствие, в тактике ведения боя, поскольку само черкесское вооружение в целом не сильно отличалось от кочевнического.

Война у черкесов (особенно у кабардинцев) была прерогативой знатного сословия. Военная аристократия всю свою жизнь проводила в бесконечных столкновениях, «князья и уздени, одетые в панцири, с ближними людьми составляют отборную конницу наездников», – отмечал С. М. Броневский [3, с. 169]. Кабардинские всадники удачно сочетали различные приемы. В частности, рукопашный бой считался непременным атрибутом схватки наряду с лучной стрельбой. Несмотря на наличие доспехов, черкесская конница не уступала в подвижности татарской. Адыгские всадники, особенно из Кабарды (где знатная прослойка была наиболее развита и многочисленна), по своим признакам относились к легкой коннице, и к тяжелой. Именно эта универсальность, сочетавшая в равной степени подвижность, меткость в стрельбе и рукопашный бой, привлекала русских воевод.

Любопытно, что С. М. Броневский сравнивал кабардинскую конницу с парфянской [Там же]. Уже после Ливонской войны царь Федор, сын Ивана Грозного, заключая соглашение о присылке черкесами отряда, скрупулезно торговался из-за каждого всадника [9, с. 131].

Основу русского войска в тот период составляло поместное конное ополчение, попадающее в категорию тяжелой кавалерии, которое, как известно, собиралось по мере необходимости [5, с. 323].

Для адыгов военное дело считалось единственным достойным занятием мужчины, и кабардино-черкесская аристократия с детства готовилась к войнам и походам, а смерть в бою была почетной [3, с. 169].

Тем не менее, до сих пор дискуссионным остается вопрос о непосредственном присутствии кабардинских всадников в русских войсках на первом этапе Ливонской войны.

Черкесы упоминаются в составе корпуса Шиг-Алея, однако были ли это кабардинцы – неясно. Доподлинно известно, что после женитьбы царя Ивана Грозного на дочери Темрюка Идарова в 1651 г. кабардинцы принимали активное участие в военных действиях в Прибалтике и на территории Великого княжества Литовского. Что же касается первых военных лет (1558-1560 гг.), то мнения исследователей по этому вопросу различны.

Из всех сторонников «присутствия» в Ливонской кампании восточночеркесских всадников обстоятельней всех высказался В. Б. Вилинбахов: «С самого ее начала в составе русской действующей армии находились отряды кабардинских князей... В декабре армия двинулась к Пскову под командованием царя Шиг-Алея, воеводы князя М. Глинского, царицыного брата Данилы Романовича и других военачальников. В одних рядах с русскими ратниками шли татары, черемисы, мордва и “черкасы пятигорские”» [4, с. 79]. Аналогичной точки зрения придерживаются С. К. Бушуев, Т. Х. Кумыков и Е. Н. Кушева.

Абсолютно не согласен с ними Ч. Э. Карданов, который считает, что о кабардинцах в составе русских войск можно говорить только после брака Ивана Грозного с кабардинской княжной. Указания В. А. Потто, Е. Н. Кушевой, М. С. Тогоева, С. К. Бушуева, Т. Х. Кумыкова и других об участии кабардинцев в русско-ливонской войне в составе русских войск (в первых сражениях) несостоятельны, считает он [7, с. 26]. Ведь в январе 1558 г. Иван Грозный «отпустил на крымские улусы князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого да с ним Черкасского мурзу, кабардинского Канклыча Канукова государь отпустил в Кабарду в Черкасы, а велел им, събрався, ити всем ко князю Дмитрею же на пособь» [14, с. 288]. Соответственно, в указанное время кабардинское посольство вернулось из Москвы на родину, и маловероятно, что до посольства Темрюк Идаров посылал своих людей в русские войска для участия в Ливонской войне. Самой Кабарде в это время угрожал шамхал Тарковский, за помощью против которого Темрюк, собственно, и обращался к Ивану IV [7, с. 26-27].

Таким образом, Ч. Э. Карданов ставит под сомнение участие в военных действиях кабардинских всадников, по крайней мере, в первые годы Ливонской войны, а упомянутых в летописях черкесов соотносит с западными адыгами.

Если углубляться в историографию вопроса, то можно убедиться, что сторонники кабардинского присутствия опираются главным образом на данные С. А. Белокурова, который, ссылаясь на летописи, ставит знак равенства между этнонимами «черкесы» и «кабардинцы».

В качестве примера можно указать на посольство 1552 г., в составе которого упоминаются просто «черкесы», а С. А. Белокуров «видит» в них кабардинцев так же, как и в участниках посольства 1557 г., где они действительно упоминаются под именем «пятигорских черкесов» [14, с. 228, 277]. Из этого отождествления он делает вывод о прочных связях Москвы и Кабарды с 1552 году [2, с. XLII]. Именно на этот вывод и опираются сторонники «кабардинского присутствия» в русских войсках в первый период Ливонской войны.

Однако, по справедливому замечанию Ч. Э. Карданова, в сообщениях о посольстве 1552 г. нигде конкретно не уточняется, какие именно черкесы были у царя: «пятигорские черкесы» вообще не упоминаются. Относительно посольства 1557 г. в летописи говорится лишь о приезде представителя восточночеркесских князей, который вскоре (в январе 1558 г.) уезжает обратно [14, с. 288]. И только в октябре 1558 г. к царю приезжают сыновья князя Темрюка Булгерук и Салнук (Салтан) [15, с. 312-313].

Безусловно, сыновья верховного князя Кабарды не могли приехать одни. Согласно традиционному феодальному праву (*юрк хабзэ*), их должны были сопровождать отряды вассалов [10, с. 206].

Поскольку война началась 22 января 1558 г., то ни Булгерук, ни Салнук со своими отрядами не могли принять участия в первом походе Шиг-Алея в Ливонию.

С. А. Белокуров подразделяет черкесов на три части: западных (причерноморских), пятигорских и кабардинских [2, с. XXXV, XLII]. Исследователь помещает кабардинских черкесов восточнее местопребывания

пятигорских черкесов – «на низ по Тереку, с левой стороны Терека по рекам, впадающим в него, Ардан, Юрюх и Кизил на протяжении 60 верст» [Там же, с. XLIX]. Важным моментом в построениях С. А. Белокурова является утверждение о принадлежности «жаженских» князей Сибока и Машука к пятигорским черкесам. А этноним «жаженские» он трактует как искажение от «управляемых Заном» [Там же, с. XLIII].

Разделение восточных черкесов на пятигорских и кабардинских сомнительно, хотя география их обитания обрисована вполне достоверно. Впоследствии эти территории получили устоявшиеся названия Большой и Малой Кабарды.

В источниках постоянно фигурируют ближние и дальние черкесы (они же пятигорские черкесы, т.е. кабардинцы), что и принимается сейчас большинством специалистов [11, с. 187; 13]. Археологическая карта распространения локальных вариантов «культуры кабардинских курганов» в целом сопоставима с данными письменных источников.

Белореченская (закубанская) и причерноморская группы обычно трактуются как одна общность, а кабардино-пятигорская группа ассоциируется с пятигорскими черкесами, но иногда (как в описанном выше случае) разбивается на две части: пятигорскую и собственно кабардинскую (впрочем, исключительно по географической концентрации памятников) [12, с. 4]. Недавно опубликованные работы отодвигают восточную границу феодальной Кабарды вплоть до низовьев Терека [1; 6].

Н. И. Костомаров в своей книге «Ливонская война» писал об участии кабардинцев в русских войсках в начале войны, ссылаясь на псковские летописи. Он не уточнил, какие именно черкесы участвовали во вторжении, но, рассказывая о втором зимнем походе 1559 г., отметил «пятигорских черкесов» [8, с. 1-2, 4].

Строевский список Псковской летописи Псково-Печерского монастыря о начале Ливонской войны сообщает следующее: «В лето 7066 разгневался царь и великий князь Иван Васильевич на ливонские немцы и послал на них рать свою, царя Шихаля и воевод со множеством воинства князей и детей боярских и черкасы пятигорские и татары и черемиса...» [17, с. 235]. Второй зимний поход охарактеризован следующим образом: «...царь и великий князь Иван Васильевич на Немцы послал рать большую, князя Семена Ивановича Микулинского и иных многих воевод, тако же со множеством воинства, князей и детей боярских и черкасы пятигорские и царевич Тохтамыш и татары и черемиса...» [Там же, с. 237]. Как видно из текста, по мнению псковского летописца, пятигорские черкесы были и в первом, и во втором походе. Однако и здесь не все однозначно.

Строевский список был писан одним почерком до конца известия 7064 г. (1556 г.). Далее, (после 7064 г.) до конца рукописи текст носит характер приписок. Последние написаны разными почерками, между ними оставлены свободные места. Вероятно, эти приписки были поздними вставками из более обширного свода, поскольку здесь встречаются и общерусские известия, и местные псковские [16, с. IX, XXXIV].

Вполне возможно, что, заполняя образовавшийся пробел, сведения о пятигорских черкесах могли быть скопированы с сообщения из другой летописи о походе зимой 1559 г., где черкесы пятигорские уже фиксировались. Учитывая плохую осведомленность в различиях черкесов, скорее всего, псковский летописец просто продублировал этноним с имеющимся уточнением – «пятигорские».

Мы не можем однозначно утверждать об участии кабардинцев в первом походе Ливонской войны, хотя в некоторых источниках и фигурируют прямые упоминания в войсках Шиг-Алея «пятигорских черкес». Вероятней всего, восточночеркесские отряды оказались в Ливонии не ранее приезда в Москву сыновей Темрюка, то есть во время зимнего похода 1559 г.

Список литературы

1. **Бгажанов Б. Х.** Воинский класс и демографическое пространство Черкесии в XVII – середине XIX в. // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 45-82.
2. **Белокуров С. А.** Сношения России с Кавказом. М.: Унив. тип., 1889. Вып. 1. XLC+584 с.
3. **Броневский С. М.** Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. 459 с.
4. **Вилинбахов В. Б.** Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Эльбрус, 1982. 253 с.
5. **Волков В. А.** Войны и войска Московского государства. М.: Эксмо, 2004. 572 с.
6. **Кажаров В. Х.** К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 3-26.
7. **Карданов Ч. Э.** Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI веке. Нальчик: Эльбрус, 1972. 164 с.
8. **Костомаров Н. И.** Ливонская война. СПб., 1865. Ч. 1.
9. **Кушева Е. Н.** Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 370 с.
10. **Леонтович Ф. И.** Адагы кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Нальчик: Эль-фа, 2002. Вып. 1.
11. **Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф.** Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик: Эльбрус, 1996. 352 с.
12. **Нагоев А. Х.** Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего Средневековья. Нальчик: Эльбрус, 1981. 88 с.
13. **Некрасов А. М.** Международные отношения и народы Западного Кавказа. М.: Наука, 1990. 124 с.
14. **Полное собрание русских летописей (ПСРЛ).** СПб.: Типогр. И. Н. Скороходова, 1904. Т. XIII. Первая половина: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 308 с.
15. **ПСРЛ.** СПб.: Типогр. И. Н. Скороходова, 1906. Т. XIII. Вторая половина: I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. 240 с.
16. **Псковские летописи.** М.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. I. LXIV+146 с.
17. **Псковские летописи.** М.: Изд-во АН СССР, 1955. Вып. II. 365 с.

SERVING “WHITE TSAR”: THE KABARDIANS’ PARTICIPATION IN THE LIVONIAN WAR

Timur Mikhailovich Karmov, Ph. D. in History
State-Run Enterprise of the Kabardino-Balkaria Republic “Heritage”
rapax21@yandex.ru

The author considers the problem of the Kabardian Circassians’ participation in the battle actions of the initial phase of the conflicts cycle, known as The Livonian War (1558-1583), and basing on the study of the question historiography and main sources data analysis, attracted for its solution (Nikon and Pskov Chronicles), comes to the conclusion that the Eastern-Circassian detachments hardly fought in Livonia before Temrük’s sons arrival to Moscow (winter of 1559).

Key words and phrases: history of Russia; History of Kabarda; The Livonian War; history of warfare.

УДК 34

Юридические науки

Статья посвящена разграничению обычаев делового оборота и деловых обыкновений как смежных категорий гражданского права. Автор предлагает такие критерии разграничения, как юридическая сила обычаев и обыкновений, последовательность их возникновения, необходимость известности сторонам. Сделан вывод о необходимости разграничения обычаев и обыкновений, поскольку разная правовая природа этих явлений обуславливает разный порядок доказывания их наличия и содержания в суде.

Ключевые слова и фразы: обычай делового оборота; деловое обыкновение; торговый обычай; узанс; санкционирование; источник права.

Валерия Николаевна Козлова

Кафедра гражданского права и процесса

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

kozlovavn@mail.ru

**ОБЫЧАЙ ДЕЛОВОГО ОБОРОТА И ДЕЛОВОЕ ОБЫКНОВЕНИЕ:
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ[©]**

Одним из источников гражданского права выступают обычаи делового оборота. При этом в литературе иногда отмечается, что к таким обычаям относятся также торговые или деловые обыкновения. Можно встретить даже высказывания следующего характера: «Термины “обычай” и “обыкновение” практически равнозначны, поскольку тот и другой понимаются как правила, не являющиеся нормой права и классифицируемые в качестве подразумеваемого условия договора» [5, с. 33].

Отождествление обычаев делового оборота и деловых обыкновений, как представляется, происходит в силу двух причин. Во-первых, это обусловлено терминологической схожестью их названий: в обоих случаях употребляется слово «деловой». Однако это лишь указывает на применение обычаев и обыкновений в предпринимательской деятельности, для урегулирования отношений между индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами, а не между гражданами.

Во-вторых, смешение обычаев и обыкновений порождено существованием в международном торговом обороте еще одного смежного с рассматриваемыми института – узансов. Узанс (узанция, обыкновение, торговый обычай, торговое обыкновение) – это «постоянно применяемое, общепринятое в деловой практике правило, положение, порядок вещей; к торговому обычаю обращаются в случаях, не предусмотренных в договоре, контракте» [9, с. 383]. Таким образом, узанс определяется как торговый обычай и как обыкновение одновременно, что приводит к правовой неопределенности данных терминов.

Однако следует отметить, что «узанс» – термин скорее экономический, чем юридический, введенный для определения «заведенного порядка или фактически установившегося в торговых отношениях правила, которое используется для определения воли сторон, прямо не выраженной в договоре» [10].

В целом нельзя согласиться с возможностью отождествления обычаев делового оборота и деловых обыкновений. Интересно, что их различная природа прослеживается уже на лексическом уровне. Так, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова обычай определяется как «общепринятый порядок, традиционно установившиеся правила общественного поведения», обыкновение же – это лишь «привычка, заведенный порядок» [8, с. 362].

С правовой точки зрения обычай и обыкновение – явления тем более не тождественные.

Основное различие между рассматриваемыми категориями – в их юридической силе. Обычай делового оборота (как и собственно обычай) является источником права, конкретный обычай имеет характер правовой нормы,